

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

РАССЛЕДОВАНИЕ «НОВОГО ВРЕМЕНИ»

Шпион, который не умел шпионить

Лев Елин

Воинный трибунал... в закрытом судебном заседании в городе Киеве... приговорил:

Федотова Михаила Валерьевича, признать виновным в измене Родине в форме шпионажа; в разглашении сведений военного характера, составляющих государственную тайну; в разглашении военных сведений, не подлежащих оглашению...

Лишили его свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима сроком на шесть лет, без конфискации имущества и без ссылки.

26 октября 1984 года

...В комнате коммунальной санкт-петербургской квартиры на улице Казнайской, которую занимает экс-шпион Федотов, ничего, кроме прикрепленного к стене разворота из «Плейбоя», не свидетельствует о его служении западному «мирлу чистогана».

Между тем, если верить восьмистраничному тексту приговора, Федотов еще безусловно мальчишкой-«допризывающим» мечтал «собрать секретные и совершенно секретные сведения военного характера и после увольнения из Советской Армии передать их представителям иностранного государства за денежное вознаграждение».

После двух лет армии и четырех лет лагеря, вспоминает мать Михаила Мария Nikolaevna, общение с ним было мучительным; сын находился на грани самоубийства... Мария Nikolaevna всю жизнь проработала воспитательницей в детском саду.

— И вот я думала: если столько лет с чужими вожусь — неужели на своего сил не хватит? Терпела...

У сына что-то не получалось «на свободе», он хотел обратно в зону. А через год врачи обнаружили у него туберкулез.

Михаил опаздывал на нашу встречу, он, похоже, не очень представлял это первое в своей жизни интервью, но потом говорил с улыбкой, подтрунивая над самим собой, — каким он был в 19 лет.

— Да я и представления не имел о «госбезопасности»! А уж такие слова, как «политзона», «диссиденты», — слыхом не слыхивал!

Прокуроры, пересматривавшие в 1988 году дело Федотова, назвали это «инфанттилизм». Иными словами, с волками жить — по-волчьи выть. А если быстро не научишься по-волчьи, то не застрахован ни от чего. И можешь продолжить свое образование в зоне...

Итак, как это было.

Укол еще можно терпеть

— Я прослужил около года, и нервы сдали. Обслуживал «дедов», в наряде по трое суток, а командирам на все наплевать. «Старики» заставляли бегать за самогоном, потом напятаются и будят ночью: отдавай, слага, честь выключателю!

Федотов с приятелем ушли в самоволку, хотели попасть в Киевскую военную прокуратуру (часть стояла недалеко от Киева), попроситься служить в другое место. Их задержали, отправили в «дурку» — 10-е психиатрическое отделение Киевского окружного военного госпиталя.

— Врач меня осмотрел, ответил я ему обо всех цифирках, кружочках, которые мне показывали. Он мне: «Хочешь служить?» Я: «Не отказываюсь, но в другой части, без издевательств». Выслушал он меня со стеклянным взглядом и говорит: «Я тебе назначу лечение...»

Федотов провел в «дурке» три месяца, подметал территорию. Врачи интересовались его состоянием раз пять, не больше. Не то в качестве лечения, не то наказания кололи сульфазин и дистиллированную воду. За какую-то провинность на 14 суток привязали к койке в изоляторе.

— Однажды приехал медик из нашей части, а я отказался с ним возвращаться. Меня опять привязали в изоляторе. А отвязывают только в столовуюходить и в туалет. Это, конечно, если дойдешь: после сульфазина ноги как деревянные и ломит все тело... По стенке ползешь. Хотя сам укол можно терпеть. Зато когда дистиллированную воду под лопатку вгоняют — страшно больно. Меня восемь человек держали...

Рисунок: Аркадий Гурского

В конце третьего месяца была медицинская комиссия. Многим объявили «статью» — разную степень пригодности к службе. Федотову главный психиатр посоветовала вернуться в часть.

— Я понял, что иначе опять изолятор.

Второй год службы был спокойнее: после «дурки» даже в караул, как правило, не ставили.

Весной 1984 года, когда рота Федотова почти вся уже демобилизовалась, его вдруг вызвал комвзвода: «Приказ доставить тебя в особый отдел».

— Там меня ждали начальник особого отдела и какой-то майор в летней форме, сказал, что из Москвы. Спрашивали меня о друзьях, еще что-то. Я ничего не понимал. И — отпустили. Это, я потом понял, было «ознакомление»...

«Ненавижу СССР»

Когда Федотова вызвали второй раз, особисты перешли к делу. Разглашал ли секретные сведения? Делился ли чем-нибудь с друзьями, матерью?

Часть, где служил Михаил, иногда привлекали к перевозкам ядерных боеголовок для ракет средней дальности. Официально это называлось «транспортировкой авиационных двигателей».

— Но солдаты все знали — и мне рассказали, как я служил начальником. Ну и, конечно, что-то писали об этом домой — мол, выполняем особо важное задание. Гордились... Правда, я в такую командировку только один раз ездил.

Федотов сразу честно сказал в особом отделе: да, наверное, «делился» — о чем-то ведь надо писать домой.

«Федотов в трех письмах от 30 июня, 19 июля и 13 декабря 1983 года, адресованных матери Федотовой М., и в трех письмах от 2 мая, 22 июня и 20 июля 1983 года, посланных знакомому Муравьеву Н.А., разгласил военные сведения о командном составе войсковой части 12474, о наличии в ней железнодорожной базы, о дислокации учебного подразделения, о специфике своей служебной деятельности, об отдельных мероприятиях, проводимых командованием соединения, в состав которого входит войсковая часть 26156».

Из приговора.

Михаил Федотов: после двух лет армии и четырех лет лагеря он долго не мог вернуться к нормальной жизни...

Фото автора

— Они мне предъявили письмо Муравьеву — мы с ним с первого класса знакомы. Ты, говорят, писал: «Ненавижу СССР»? Да, отвечаю, писал — после «дурки» злой был. А что это за шифр в письме? Я объясняю, что цифры эти ничего не значат, это игра такая — из Конан Дойла. У него рассказ есть «Пляшущие человечки», читали?

Уже позднее, на допросах в Киеве, следователь будет кричать на него:

— Это шифр! Ты бы потом вернулся, расшифровал — и продал иностранной разведке! Так, гад, зашифровал, что дешифровщики КГБ понять не могут!

«Умышленно действуя в ущерб суверенитету государственной безопасности и обороноспособности СССР, Федотов в период с весны 1983 года по 6 мая 1984 года путем целенаправленных опросов сослуживцев, личных

наблюдений, подслушивания и запоминания секретных сведений, разглашавшихся в его присутствии сослуживцами, а также анализа полученной информации собрал значительный объем совершенно секретных и секретных сведений, составляющих государственную и военную тайну».

Из приговора.

Особисты уже вели протокол.

— Если во всем признаешься, говорят, ничего тебе не будет. Расскажи, кому еще писал? Я, дурак, хочу домой — и все рассказываю. Может, действительно виноват, не то писал — пусть посмотрят...

На четвертом или пятом допросе Федотов увидел нового подполковника, которого представили как «товарища из Москвы», и попросили для него все повторить.

Федотову тогда не сказали, что это — его следователь Эдуард Прокопов, старший следователь по особо важным делам, большой специалист по разоблачению «иностранных шпионов».

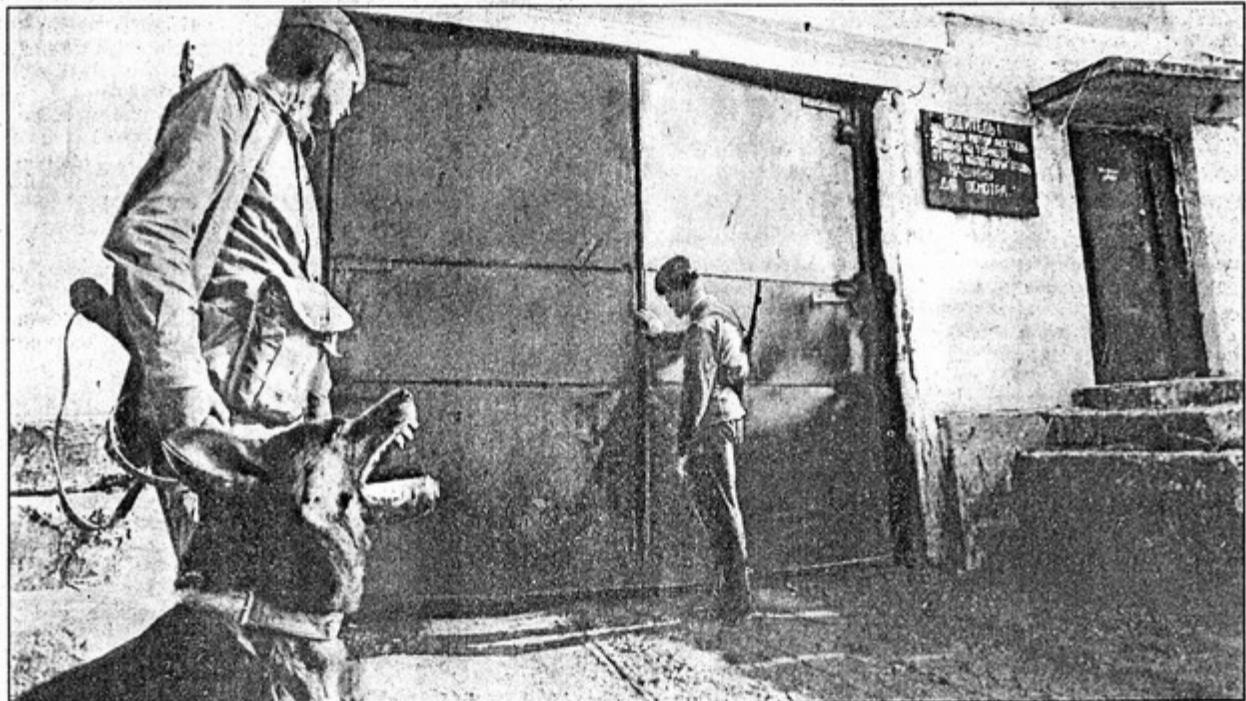
— Я опять объяснил, что хотел похвастаться, что ни о чем плохом не думал, а шифр — шутка, это же сразу ясно.

Тем временем «дело Федотова» уже обрастало «свидетелями». Главный — Николай Муравьев. Он вряд ли заслуживает даже попытки психологического портрета. Выросший на благодатной почве всеобщего «стука», Муравьев получил от Федотова «письмо с шифром» до собственного призыва в армию. Потом уже из части попросил мать это письмо ему переслать — и отнес в особый отдел.

Остальные свидетели — сослуживцы Федотова. Оказалось, что разговоры в курилке можно трактовать и как разглашение тайны, и как попытку собрать секретную информацию.

«В нарушение режима секретности Федотов в 1983—1984 годах разгласил посторонним лицам часть собранных им совершенно секретных сведений военного характера, составляющих государственную тайну».

Так, в июне 1983 года, в январе и мае 1984 года в беседах с военным строителем — рядовым Гаховичем и рядовым Родионовым разгласил сведения о характере перевозимых войсковой частью 12474 специальных воинских гру-

35-я пермская зона. «Шпиона» Федотова сюда этапировали дважды

зов и о месте их хранения.

В августе 1983 года сообщил сержант Парамонову о назначении этой части.

1—2 мая 1983 года Федотов разгласил рядовому Осипову сведения о дислокации и назначении двух воинских частей.

Разглашая эти сведения, Федотов изменил намерений не преследовал».

Из приговора.

И даже просто находиться рядом, когда «разглашают» другие, чревато сроками в приговоре: «Из показаний свидетелей Тюкина, Кухаренко, Григорьева усматривается, что Федотов, находясь в курилке, иногда им и другим военнослужащим, прибывшим из командировок, никаких вопросов не задавал, а слушал их разговоры о сопровождении ими специальных групп и куда именно кто их отправлял или получал».

Федотов заметил, что его слова в протоколе искажают.

— Я говорю: не было у нас с Мурavyевым разговоров о том, чтобы продать что-то иностранной разведке. Смотрю, а они наоборот пишут. И натиск такой, что сказать ничего нельзя. Я уже стал понимать, что им нужно, но еще, дурак, верил следователю. Он все время повторял: до суда дело не дойдет...

19-летнего Михаила Федотова действительно можно было упрекнуть в инфантилизме. Когда через несколько дней ему на гауптвахту принесли парадную форму, он обрадовался: домой поеду!

Его под конвоем автоматчиков отвезли в Киев, в изолятор КГБ, где

Федотов провел полгода. Через два месяца следователь посетовал:

— Суда, Миша, избежать не удастся. Эксперты Генштаба подтвердили: то, что ты о своих командах писал, — абсолютная тайна...

...Изучая «шпионские» дела, я убедился, что эксперты Генштаба ни разу не отказали солдатским веточкам домой в праве считаться государственной тайной...

Пока КГБ допрашивал ленинградских друзей Федотова, он проходил тюремные университеты.

— Заводят в камеру, а там дядя два метра ростом. Ну, думаю, конец... А он оказался директором хозмага в Киеве. Потом был мужик с пятью судимостями, весь в наколках: учил, как по этапу ехать, как на зоне себя вести.

Федотова вновь направили в психиатрическое отделение — на экспертизу.

— Я только начну врачу объяснять, что ни в чем не виноват, а он в ответ: «Да-да, конечно» и таблетки выписывает — «для спокойного сна».

Михаил оказался в палате с уголовниками — ворами, убийцами, насильниками.

— Думал, звери, а отношения там между людьми лучше, чем в армии. Поп один, «гастролер» — он церкви грабил, все жалел меня: «Да, парень, шьет тебе КГБ дело...»

Перед судом Прокопов пообещал, что к Федотову применят самую «мягкую» статью, так как он помогал следствию. Он же, буквально за день до суда, привел адвоката — Героя Советского Союза А. Панихицкого.

Они в паре работали по таким делам. Панихицкий говорил со мной полчаса — прислователю. «В этом сознаешься? А в этом? Ну я все сразу понял... На суде он сказал только, что я молод, глуп. «Психоэмоциональное развитие Федотова не достигло того уровня, чтобы он осознавал серьезность совершенного им...»

«В судебном заседании подсудимый Федотов полностью признал себя виновным в предъявленном ему обвинении и дал подробности показания о совершенных им преступлениях и пояснил, что измену Родине в форме шпиона он совершил из корыстных побуждений, с целью иметь деньги».

Из приговора.

— Я потом думал: а если бы я сразу уперся, ни в чем не признавался, на суде все отрицал? Только вряд ли это получилось бы. Вадим Симонов, тоже ленинградец, до последнего все отрицал, голодовку объявила. А потом все равно сломали — признался в шпионаже и получил 10 лет.

Суд проходил в конце октября 1984 года в помещении военного трибунала Киевского военного округа. Федотова охраняли прапорщики КГБ, в зале — человек семь штатских.

Свидетели-солдаты порой путались, рассказывая о преступных действиях Федотова. Тогда судья напоминал, что они показали на предварительном следствии, и свидетели облегченно «вспоминали».

- 7 -

п. суда, предусмотренного санкцией ст. 56 ч.1 УК УССР.

По этим же основаниям суд считает возможным не применять к Федотову дополнительную меру наказания в виде конфискации имущества, предусмотренной ст. 56 ч.1 УК УССР.

на основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 323, 324 и 327 УПК УССР, военный трибунал

ПРИГОВОРИЛ:

ФЕДОТОВА Михаила Злоречивича признать виновным в измене Родине в форме шпионажа, т.е. в преступлении, предусмотренным ч. 1 ст. 56 УК УССР, в разглашении сведений военно-хозяйственного характера, составляющих государственную тайну, при отсутствии признаков преступления в виде вымогательства или угрозы, а равно в разглашении военных газет, на подлежащих ограждению, но не являющихся государственной тайной, т.е. в преступлении, предусмотренном п.п. «б» ст. 253 УК УССР.

ФЕДОТОВА Михаила Злоречивича лишить свободы сроком:

- на основании ч.1 ст. 56 УК УССР с применением ст. 46 УК УССР на шесть лет без конфискации имущества и без осуждения;
- на основании п.п. «б» ст. 253 УК УССР - на два года;

УССР - на

...признать виновным в измене Родине в форме шпионажа...

Когда прокурор потребовал для подсудимого по трем статьям 7 лет, 2 года и 6 месяцев, Федотову стало плохо.

Пропора мне валерьянку наливают, шепчут, что это еще не приговор, что дадут не по всем трем статьям, а по одной... Потом посадили напротив хорошенькую девочку-секретаря, чтобы меня как-то отвлечь.

«Вместе с тем военный трибунал принимает во внимание, что Федотов до призыва на военную службу занимался общественно полезным трудом и ни в чем предосудительном замечен не был, чистосердечно раскаялся в содеянном, своими правдивыми показаниями активно содействовал полному раскрытию совершенных преступлений, собранные сведения никому не передал».

Из приговора.

Военный трибунал вынес, как и обещал следователь, мягкий для «шпионского» дела приговор: 6 лет строгого режима. Федотова ждал этап в Перми.

— Я начальнику изолятора подполковнику Петруне — он хорошо ко мне относился, помог продуктов с собой побольше взять — говорю: «До свидания», а он: «Здесь «до свидания» не говорят».

Но в 1989-м Федотов вернулся в Киевский следственный изолятор КГБ...

Письмо в Вену

Этап: Киев-Харьков-Свердловск-Казань-Пермь. Федотов «познавал мир».

— Везли меня сначала одного, но в Свердловске на пересылке подсадили к тем, кто на строгом режиме. Из мешка моего все стало быстро исчезать. А потом меня подозревали

тот, кто главный в камере был: рассказывай! Я все рассказал — и продукты в мешок вернулись. А ночью мне предложили двух «петухов». Я был в ужасе...

Когда спустя месяц Михаил вошел в 35-ю пермскую зону, страна хоронила генерального секретаря Черненко.

— Как я приехал, так перестройка и началась... Но я, конечно, ничего хорошего не ждал. В 35-й сидели знаменитые теперь люди — они мне объяснили: нам амнистии не будет...

В 1987-м Федотов и Юрий Сургучев («французский шпион»). Служил в Заполяре и узнал, что СССР в нарушение Договора об ОСВ разместил там ядерное оружие. Хотел предать это гласности, попробовал связаться с французами, но на встречу пришел сотрудник КГБ) написали письмо участникам Совещания европейских государств в Вене. Письмо перехватили, и Федотов полгода сидел в ПКТ (помещение камерного типа) 36-й зоны.

В 1988 году стали выпускать тех, кто сидел по 70-й статье (антисоветская агитация и пропаганда). Летом Федотова отвезли в Пермь, а затем самолетом в Киев, в тот же СИЗО. Он мечтал о свободе, но еще боялся, что ему «добавят».

«По вновь открывшимся обстоятельствам, — объяснили киевские комитетчики, — дело подлежит пересмотру».

— А я уже не тот мальчишка, что был. Мне в зоне все объяснили. Я им и заявил: «Если опять будете спрашивать о передаче секретов иностранцам, я вообще разговаривать отказываюсь». Они: «Обещать не можем». Ну я и замолчал... Меня в камеру. На следующий день отказался идти на допрос, но Петруня уговарил.

Следователи пообещали, что возможно только смягчение наказания, и стали расспрашивать о стиле работы следователя Прокопова.

— Они уже знали, наверное, по другим делам все его приемы...

Вновь допрашивали его ленинградских знакомых, но свидетелей солдат не трогали. Потом Михаила направили в Москву в институт Сербского.

— Я там пробыл меньше месяца и быстро понял, что заключение будет то, которое выгодно КГБ. Они написали, что я совершенно здоров, но во время первого следствия был «склонен к психопатичности и потенциально склонен к фантазии, переоценке своих действий!». Когда я возражал, стал, врач засмеялся: «Да брось ты, сейчас все — психопаты!»

Михаила перевезли в Лефортово, куда вскоре приехал начальник особого отдела Киевского военного округа.

— Миша, придется выдержать еще один этап.

Этот этап в битком набитом вагоне с наркоманами, уголовниками Федотов, по его словам, «запомнил надолго». Еще почти полгода он провел в зоне, а потом пришла бумага из Москвы. «Дело прекратить за отсутствием состава преступления. Из-под стражи освободить».

В постановлении пленума Верховного суда СССР от 23 декабря 1988 года говорилось:

«Работники Особого отдела КГБ СССР в ч. 61289 сами создали обстановку, в которой Федотов узнал и разгласил сотрудникам этого же отдела ранее известные сведения».

Сведения, которые разглашал Федотов, государственной тайны не составляли, хотя «разглашению не подлежали».

Мне кажется, стоит уточнить эти обтекаемые формулировки.

Сотрудникам КГБ в войсковой части нужно было — и постоянно — оправдывать свое существование. «Дело Федотова» стало очередной галочкой в их отчетности, ведущей к благодарностям, премиям и новым звездочкам на погонах. При этом в жертвы был выбран человек слабый, чуждый жесткой армейской среде и потенциально ломкий.

На основании материалов, попавших мне в руки, я берусь утверждать, что большая часть свидетелей-сослуживцев были к тому времени завербованы КГБ (мы можем судить о степени проникновения комитета в жизнь армии). И во время следствия, и в суде они выполняли задание комитета.

Если мои выводы кажутся неубедительными — в следующем номере «НВ» мы расскажем еще об одном «шпионском» деле, на сей раз с «национальным» оттенком...

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — МОСКВА

предусмотренного санкцией ст. 56 ч.1 УК УССР.
По этим же основаниям суд считает возможным не применять к Федотову дополнительную меру наказания в виде конфискации имущества, предусмотренную ст. 56 ч.1 УК УССР.
на основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 52, 524 и 527 УПК УССР, заслушав трибунал

ПРИГОВОРЫ:

ФЕДОТОВА Михаила Валерьевича признать виновным в измене Родине в форме шпионажа, т.е. в выступлении, предусмотренным ч. 1 ст. 56 УК УССР, в разглашении сведений военного характера, составленных государственным лицом, при отсутствии признаков насилия Родине, т.е. в преступлении, предусмотренным п. "а" ст. 253 УК УССР, в разглашении военных сведений, не подлежащих ограничению, но не являющихся государственной тайной, т.е. в преступлении, предусмотренным п. "в" ст. 253 УК УССР.

ФЕДОТОВА Михаила Валерьевича лишить свободы сроком:
— на основании ч.1 ст. 56 УК УССР с применением от 40 УК УССР на 6 лет без конфискации имущества и без осуждения;
— на основании ст. 253 УК УССР — на 10 лет

СССР — на 10 лет

...признать виновным в измене Родине в форме шпионажа...

Когда прокурор потребовал для подсудимого по трем статьям 7 лет, 2 года и 6 месяцев, Федотову стало плохо.

— Пропора мне валерьянку наливают, шепчут, что это еще не приговор, что дадут не по всем трем статьям, а по одной... Потом посадили на против хорошенькой девочку-секретаря, чтобы меня как-то отвлечь.

«Вместе с тем военный трибунал принимает во внимание, что Федотов до призыва на военную службу занимался общественно полезным трудом и ни в чем предсудительном замечен не был, чистосердечно раскался в содеянном, своими правдивыми показаниями активно содействовал полному раскрытию совершенных преступлений, собранные сведения никому не передал».

Из приговора.

Военный трибунал вынес, как и обещал следователь, мягкий для «шпионского» дела приговор: 6 лет трогого режима. Федотова ждал тап в Пермь.

— Я начальнику изолятора полковнику Петруне — он хорошо о мне относился, помог продуктов собой побольше взять — говорю: По свиданию; а он: «Здесь «до свидания» не говорят».

Но в 1989-м Федотов вернулся в иевский следственный изолятор ГБ...

ИСЬМО В ВЕНУ

гап: Киев-Харьков-Свердловск-Казань-Пермь. Федотов ознавал мир».

— Весьли меня сначала одного, но в Свердловске на пересылке подсадили к нему, кто на строгом режиме. мешка моего все стало быстро изматывать. А потом меня подозревали

Следователи пообещали, что возможно только смягчение наказания, и стали расспрашивать о стиле работы следователя Прокопова.

— Они уже знали, наверное, по другим делам все его приемы...

Вновь допрашивали его ленинградских знакомых, но свидетелей-солдат не трогали. Потом Михаила направили в Москву в институт Сербского.

— Я там пробыл меньше месяца и быстро понял, что заключение будет то, которое выгодно КГБ. Они написали, что я совершенно здоров, но во время первого следствия был «склонен к психопатичности и потенциально склонен к фантазии, переоценке своих действий!» Когда я возражать стал, врач засмеялся: «Да брось ты, сейчас все — психопаты!»

Михаила перевезли в Лефортово, куда вскоре приехал начальник особого отдела Киевского военного округа.

— Миша, придется выдержать еще один этап.

Этот этап в битком набитом вагоне с наркоманами, уголовниками Федотов, по его словам, «запомнил надолго». Еще почти полгода он провел в зоне, а потом пришла бумага из Москвы. «Дело прекратить за отсутствием состава преступления. Из-под стражи освободить».

В постановлении пленума Верховного суда СССР от 23 декабря 1988 года говорилось:

«Работники Особого отдела КГБ СССР в/ч 61289 сами создали обстановку, в которой Федотов узнал и разгласил сотрудникам этого же отдела ранее известные сведения».

Сведения, которые разглашал Федотов, государственной тайны не составляли, хотя «разглашению не подлежали».

Мне кажется, стоит уточнить эти обтекаемые формулировки.

Сотрудникам КГБ в войсковой части нужно было — и постоянно — оправдывать свое существование. «Дело Федотова» стало очередной галочкой в их отчетности, ведущей к благодарностям, премиям и новым звездочкам на погонах. При этом в жертвы был выбран человек слабый, чуждый жесткой армейской среде и потенциально ломкий.

На основании материалов, попавших мне в руки, я берусь утверждать, что большая часть свидетелей-сослуживцев были к тому времени завербованы КГБ (мы можем судить о степени проникновения комитета в жизнь армии). И во время следствия, и в суде они выполняли задание комитета.

Если мои выводы кажутся неубедительными — в следующем номере «НВ» мы расскажем еще об одном «шпионском» деле, на сей раз с «национальным» оттенком...

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — МОСКВА